Федор Сологуб

Фимиамы

Петербург
1920

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/fimiamyfedorsolo00solo

Сиріанствующій
Эпикурейство
1918

ФЕДОР СОЛОГУБ.

ФИМИАМЫ.

ПЕТЕРБУРГ.
1921.

ФИМИАМЫ.

На что мне пышные палаты
И шелк изнеженных одежд?
В полях мечты мои крылаты,
Подруги сладостных надежд.

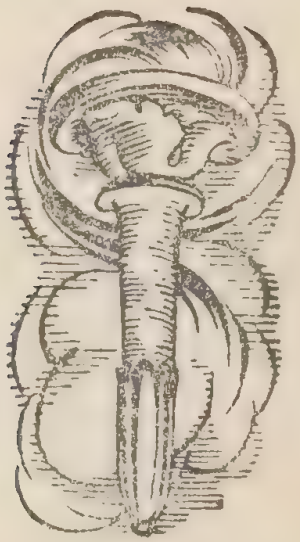
Они летят за мной толпами,
Когда, цветам невинным брат,
Я окрыленными стопами
Иду, куда глаза глядят.

Слагать стихи и верить смело
Тому, Кто мне дарует свет,
И разве есть иное дело,
Иная цель, иной завет?

В ясном небе —светлый Бог Отец,
Здесь со мной—Земля, святая Мать.
Аполлон скует для них венец,
Вакх их станет хмелем осыпать.

Вечная качается качель,
То светло мне, то опять темно.
Что сильнее, Вакхов темный хмель,
Или Аполлоново вино?

Или тот, кто сеет алый мак,
Правду вечную один хранит?
Милый Зевс, подай мне верный знак,
Мать, прими меня под крепкий щит.



Бывают дивные мгновенья,
Когда насквозь озарено
Блаженным светом вдохновенья
Все, так знакомое давно.

Все то, что сила заблужденья
Всегда являла мне чужим,
В блаженном свете вдохновенья
Опять является моим.

Смиряются мои стремленья,
Мои безбурны небеса.
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса!

В пути томительном и длинном,
Влачась по торжищам земным,
Хоть на минуту стать невинным,
Хоть на минуту стать простым,

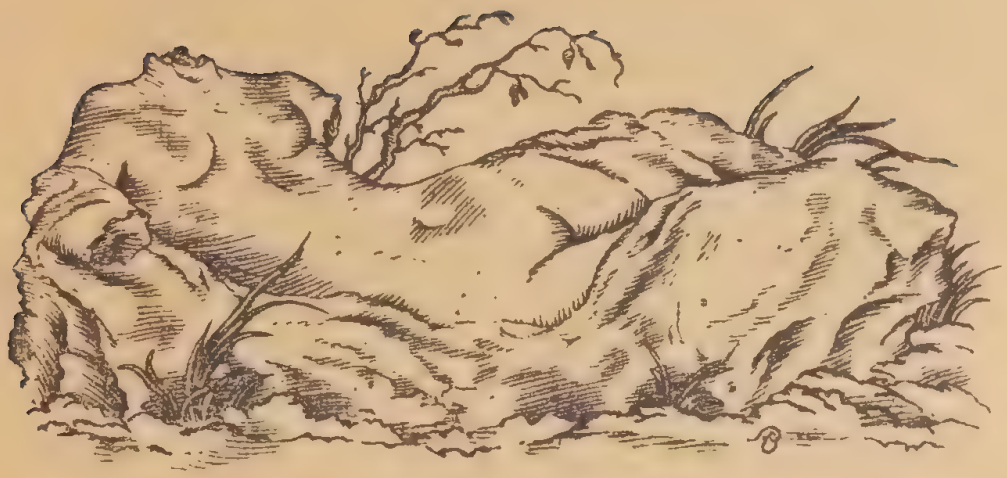
Хоть краткий миг увидеть Бога,
Хоть гневную услышать речь,
Хоть мимоходом у порога
Чертога Божия прилечь!

А там пускай затмится пылью
Святая Божия тропа,
И гнойною глумится былью
Ожесточенная толпа.

Скифские суровые дали,
Холодная, темная родина моя,
Где я изнемог от печали,
Где змея душит моего соловья!

Родился бы я на Мадагаскаре,
Говорил бы наречием, где много а,
Слагал бы поэмы о любовном пожаре,
О нагих красавицах на острове Самоа.

Дома ходил бы я совсем голый,
Только малою алою тканью бедра об'яв,
Упивался бы я, безкрайно веселый,
Дыханьем тропических трав.



Благодарю тебя, перуанское зелие!
Что из того, что прошло ты фабричное
ущелие!
Все же мне дарит твое курение
Легкое томное головокружение.

Слежу за голубками дыма и думаю:
Если бы я был царем Монтезумою,

Сгорая, воображал бы я себя сигарою,
Благоуханною, крепкою, старою.

Огненной пыткой в конец истомленному
Улыбнулась бы эта мечта полусожженному.

Но я не царь, безумно сожженный жестокими.
Твои пытки мне стали такими далекими.

Жизнь мне готовит иное сожжение.
А пока утешай меня, легкое тление,

Отгоняй от меня, дыхание папиросное,
Навождение здешнее, сердцу несносное,

Подари мне мгновенное, зыбкое веселие.
Благословляю тебя, перуанское зелие!

Лежу и дышу осторожно
В приюте колеблемых стен.
Я верю, я знаю, как можно
Бояться внезапных измен.

Кто землю научится слушать,
Тот знает, как зыблемо здесь,
Как стены не трудно обрушить
Из стройности в дикую смесь.

И вот предвещательной дрожью
од чьей-то жестокой рукой
Дружится с бытийскою ложью
Летийский холодный покой.

Все земные дороги
В разделениях зла и добра,
Всеблаженные боги,
Только ваша игра!

Вы беспечны и юны,
Вам бы только играть,
И ковать золотые перуны,
И лучами сиять.

Оттого, что Вас трое,
Между Вами раздор не живет.
И одно, и другое,
К единению Воля ведет.

Когда с малютками высот
Я ополчался против гадов,
Ко мне пришел посланник адов.
Кривя улыбкой дерзкой рот,
Он мне сказал: „Мы очень рады,
Что издыхают эти гады,—
К Дракону сонм их весь взойдет.

„И ты, когда придешь в Змеиный,
Среди миров раскрытый рай,
Там поздней злобою сгорай,—
Ты встретишь там весь сонм звериный.
И забавляться злой игрой
Там будет вдохновитель твой,
Он, вечно сущий, Он единый.

При ясной луне,
В туманном сиянии,
Замок снится мне,
И в парчевом одеянии
Дева в окне.

Лютни печальной рыдания
Слышатся мне в отдалении.
Как много обаяния
В их пении!
Светит луна,
Дева стоит у окна
В грустном томлении.

Песня ей слышится.
Томно ей дышется. .
Вечно одна,
Грустна, бледна,—
Ни подруги, ни матери нет.

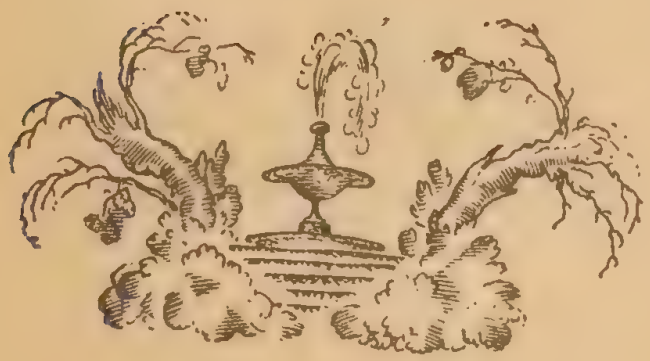
Лунный свет
Сплетает
Чудные сны
И навевает
Жажду новизны.

Жизнь проводит тени в скуке повторений,
Грустно тени мрачные скользят.
Песни старых бед и новых сожалений
Загадочно звучат.

Звучат загадочно
Трепетные сны.
Бьется лихародочно
Жажда новизны.

Желаний трепет,
Страсть новизны
И новизна страстей,—

Вот о чем печальной песни лепет
В сострадательном мерцании луны
Говорит тихонько ей
И в душе моей.



О. А. ГЛЕБОВОЙ-СУДЕЙКИНОЙ.

Не знаешь ты речений скверных,
Душою нежною чиста.
Отрада искренних и верных—
Твои веселые уста.

Слова какие-ж будут грубы,
Когда их бросит милый рок
В твои смеющиеся губы,
На твой лукавый язычек!

Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
Трудом я добывал свой хлеб,
И весел был, и мыкал горе.

На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
И пусть таящийся во мгле
Меня стремительно повержет.

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод,—
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод.

Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
— Что сделал ты? — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу:—Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.

Но я—поэт.—И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье.
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голос мой
В хвленьях ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмсй,
Но здесь я прожил не напрасно.

Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.

Один свершаю долгий путь
И не хочу с него свернуть
Туда, где мечется толпа,
Самолюбива и тупа.

Для тех, кто хочет побеждать
И блага жизни отнимать,
Оставил долю я мою,
И песню вольную пою.

Радуйся, радуйся, Ева,
Первая и прекраснейшая из жен!
Свирепый Адонаи
Лишил тебя земной жизни,
За то, что ты преступила
Его неправый завет.
Свирепый Адонаи
Поразил твое нежное тело,

И обрек его смерти,
Темной и смрадной, —
Но твое потомство
Населило землю.

Радуйся, радуйся, Ева,
Всеблагий Люцифер с тобою,
Люцифер с тобою и с нами!

Приветствуем Еву,
Мать человеческого рода.

Люцифер тебя создал
Дивными руками
Из сладкого сока
Благоуханнейших земных цветов.

Привет тебе, Ева,
Первая и прекраснейшая из жен!

Ты—первая святая жертва
Злого Адонаи,
Излившего свою ярость
На эту землю.

Привет тебе, Ева,
Преблагий Люцифер с тобою!

Он, злой Адонаи,
Обрек тебя смерти,
Тебя и Адама,
И твое потомство,
Потому—что ты носила
Под сердцем
Благословенный плод
Небесной любви.

Привет тебе
В радостях
И в печалях!

Злой Адонаи
Обрек тебя смерти, —
Но твое потомство
Он не мог уничтожить
Всею злостью
Буйных стихий.

Привет тебе, Ева,
Привет!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Прошлый раз тебя я видел,—
Ты был горд,
Кто-ж теперь тебя обидел,
Бог иль чорт?

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

— Ах, куда, куда ни скочишь,
Всюду ложь.
Поневоле, хоть не хочешь,
Заревешь.

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Что тебе чужие бредни,
Милый мой,
Ведь и сам ты не последний,
Крепко стой!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Знаю, надо бы крепиться.
Да устал,
И придется покориться.
Кончен бал!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Ну, так что же! Вот и нянька
Для потех.
Ты на рот старухи глянь-ка,
Что за смех!

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

— Этой старой я не знаю,
Не хочу,
Но дверей не запираю,
И молчу.

— Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык.

Как же богат я слезами!
Падают с неба дождем,
Тихо струятся ручьями,
Бьют и сверкают ключом.

Только глазам недосужно
Слезы еще проливать,
Да и не нужно, не нужно
Солнечный свет затмевать.

Замолкнули праздные речи,
Молитвой затеплился храм,
Сияют лампады и свечи,
Восходит святой фимиам.

Возносим пасхальные песни
От слезно-сверкающих рос.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос.

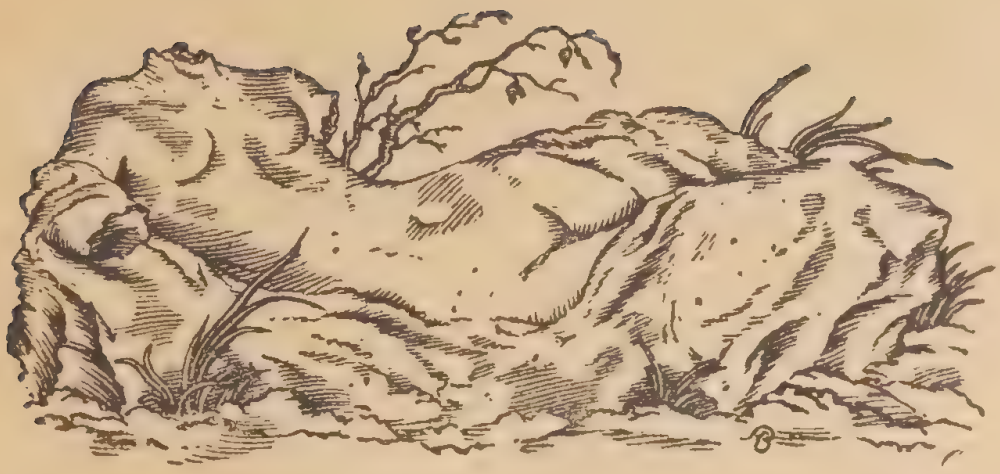
Вливаются светлые вести
В ответный ликующий стих;
К сберегшей венец свой невесте
Нисходит небесный Жених.

Печальный друг, мой путь не прокляни,
Лукавый путь веселого порока.
К чему влачить безрадостные дни?
Желания обуздывать жестоко.

Не хочешь ли загробного венца?
Иль на земле отрадна долговечность?
Греши со мной, люби мою беспечность,—
Нам далеко до темного конца.

Смотри, сняла я медленные платья,
И радостной сияю наготой.
Познай любовь, познай мои об'ятья,
Насыть и взор, и душу красотой.

Настанет срок, прекрасное увянет,
Тогда молись и плачься о грехах,
И если плоть твоя грешить устанет,
Мечтай о счастье в вечных небесах.



Знаю знанием последним,
Что бессильна эта тьма,
И не верю темным бредням
Суеверного ума.

Посягнуть на правду Божью—
То же, что распять Христа,
Заградить земною ложью
Непорочные уста.

Но воскресший вновь провещит,
Будет жизнь опять ясна,
И дымяся затрепещет
Побежденный Сатана.

Мой милый друг! я прежде был
Такой же, как и ты,
И простодушно я любил
Весну, цветы, мечты.

Любил ночные небеса
С задумчивой луной,
Любил широкие леса
С их чуткой тишиной,

Мечтал один, и ждал один
Каких-то светлых дней,
Каких-то сладостных годин
И радостных огней.

Небо — моя высота,
Море — моя глубина.
Радость легка и чиста,
Грусть тяжела и темна.

Но, не враждуя, живут
Радость и грусть у меня,
Если на небе цветут
Лилии светлого дня, —

Волны одна за одной
Тихо бегут к берегам.
Радость царит надо мной,
Грусти я воли не дам.

Если же в тучах скользят
Змеи, звеня чешуей, —
Волны кипят и гремят,
Дерзкой играя ладьей,

Буйная радость дика,
Биться до смерти я рад,
Разбушевалась тоска,
Нет ей границ и преград.

КЛЕВЕТА.

Лиловая змея с зелеными глазами,
Я все еще к твоим извивам не привык,
Мне страшен твой, с лукавыми речами,
Раздвоенный язык.

Когда бы в грудь мою отравленное жало
Вонзила злобно ты, не возроптал бы я.
Но ты всегда не жалом угрожала,
Коварная змея.

Медлительный твой яд на землю проливая,
И отравляя им невинные цветы,
Шипела, лживая и неживая,
О гнусных тайнах ты.

Поднявши от земли твоим холодным ядом
Среди немых стволов зелено-мглистый пар,
Ты в кровь мою лила жестоким взглядом
Озноб и гнойный жар.

И лес, где ты ползла, был чудищами полон,
Дорога, где я шел, свивалася во мгле.
Ручей, мне воду пить, клубился, солон,
И мох желтел в золе.

Знаю правду, верю чуду,
И внимаю я повсюду
Тихим звукам тайных сил.
Тот просвет в явленьи всяком,
Что людей пугает мраком,
Я бесстрашно полюбил.

Я не ваш, я бесполезный.
Я иду над вечной бездной

Вдаль от блага и от зла.
Мне всегда несносно-чужды
Все земные ваши нужды,
Преходящие дела.

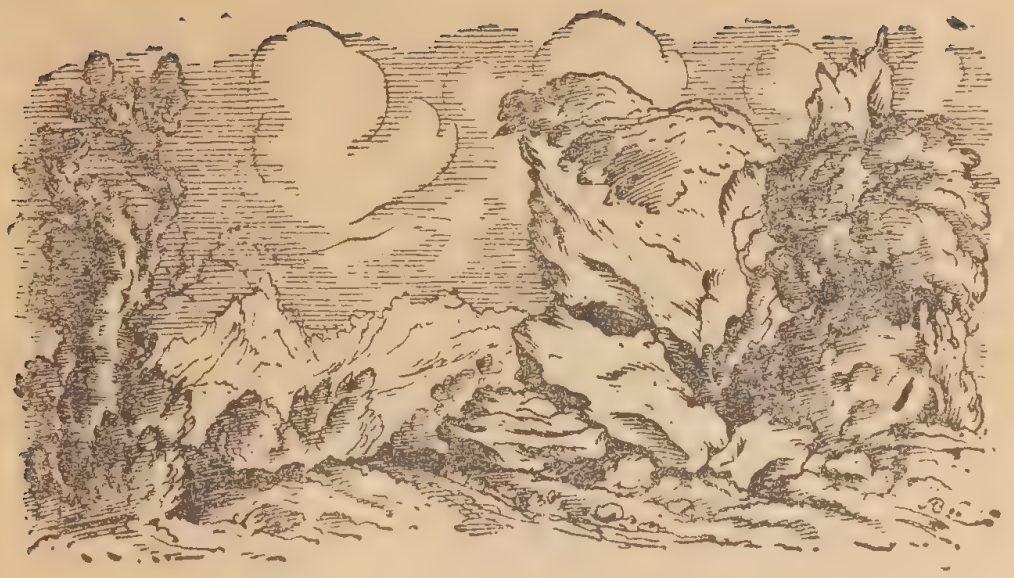
Зачем любить? Земля не стоит
Любви твоей.
Пройди над ней, как астероид,
Пройди скорей,

Среди холодной атмосферы
На миг блесни,
Яви мгновенный светоч веры,
И схорони.

НИНЕ КАРАТЫГИНОЙ.

Вы любите голые девичьи руки,
И томно на теле шуршащие бусы,
И алое, трепетно-знойное тело,
И животворящую, буйную кровь.

И если для сердца есть терпкие муки,
И совесть глубокие терпит укусы,
И только жестокость не знает предела,
Так что-ж,—и такою любите любовь.



Дай мне эфирное тело,
Дай мне бескровные вены!
К милому-б я полетела
Мимо затворы и стены!

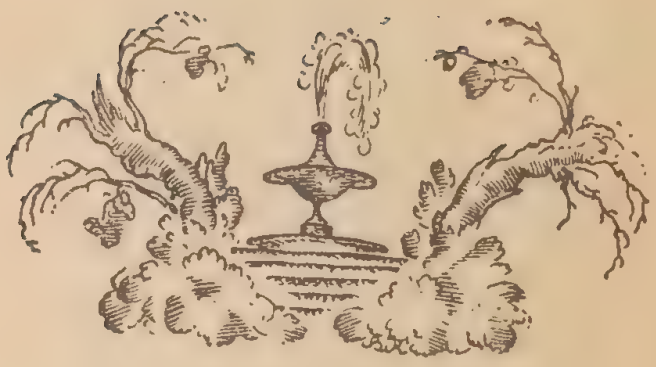
Дай мне прозрачное тело, —
Сбросить бы тесные платья!
К милому-б я полетела
Пасть, замирая, в об'ятья.

Дай мне крылатое тело,
Трепетно-знойные очи!
К милому б я полетела
Яркою молнией ночи.

Не думай, что это — березы,
А это — холодные скалы.
Все это — порочные души.

Печальны и смутны их думы,
И тягостна их неподвижность,
И нам они чужды навеки,
И люди вовек не узнают
Заклятой и страшной их тайны.

И мудрому только провидцу
Открыто их темное горе
И тайна их скованной жизни.



Как лук, натянутый не слишком туго,
Я животом и грудью встречу друга,
И уж потом в об'ятья упаду.
Но и тогда, когда темны ресницы,
Я сохраню тот выгиб поясницы,
С которым я в дневных лучах иду.

Пряма в толпе, я вовсе не другая
И в час, когда пред ним лежу нагая,

Простершися во весь надменный рост.
С покорностью любовь не познакомит,
И обнимающий меня не сломит
Стремительного тела крепкий мост.

Под сению Креста рыдающая мать.
Как ночь пустынная, мрачна ее кручина.
Оставил Мать Свою,—осталось ей обнять
Лишь ноги бледные измученного сына.

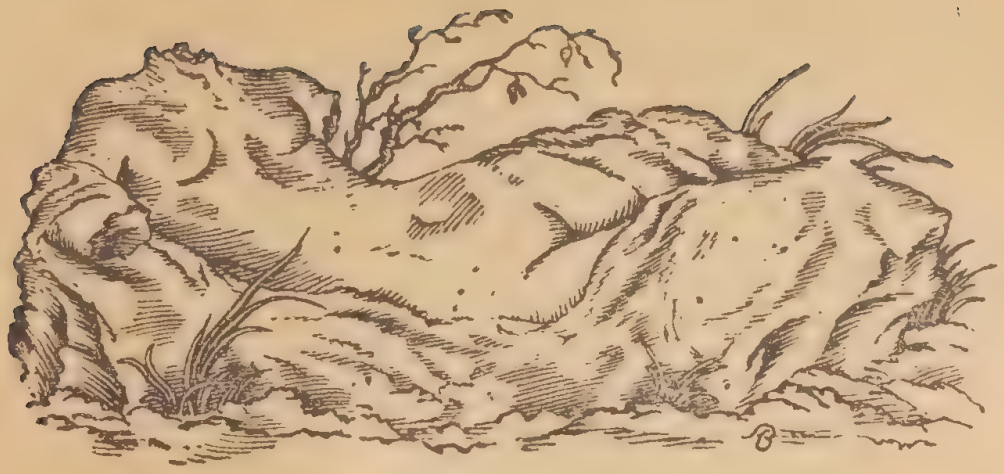
Хулит Христа злодей, распятый вместе с ним:
— Когда ты Божий Сын, так как же ты повешен?
Сойди, спаси и нас могуществом твоим,
Чтоб знали мы, что ты всесилен и безгрешен. —

Любимый ученик сомнением об'ят,
И нет здесь никого, в печали или злобе,
Кто верил бы, что Бог бессильными распят
И встанет в третий день в своем холодном
гробе.

И даже сам Христос, смутившись наконец,
Под гнетом тяжких дум и мук изнемогая,
Бессильным естеством медлительно страдая,
Воззвал:—Зачем меня оставил Ты, Отец!—

В Христа уверовал и Бога исповедал
Лишь из разбойников повешенных один.
Насилья грубого и алчной мести сын,
Он сыну Божьему греховный дух свой предал.

И много раз потом вставала злоба вновь,
И вновь обречено на казнь бывало Слово,
И неожиданно пред ним горела снова
Одних отверженцев кровавая любовь.



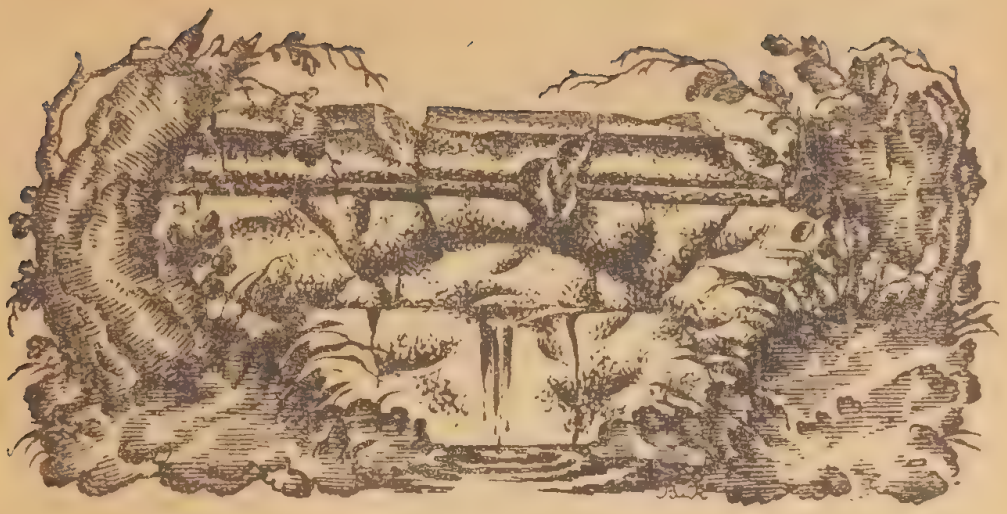
Муж мой стар и очень занят, все заботы и
труды,
Ну, а мне-то что за дело, что на фраке
три звезды!
Только пасынок порою сердце мне развеселит,
Стройный, ласковый и нежный, скромный
мальчик Ипполит.

Я вчера была печальна, но пришел любезный
гость,

Я все горе позабыла, утопила в смехе злость.
Что со мной случилось ночью, слышал только
Ипполит,
Но я знаю, скромный мальчик эту тайну
сохранит.

Утром, сладостно мечтая, я в мой светлый
сад вошла,
И соседа молодого я в беседку позвала.
Что со мной случилось утром, видел только
Ипполит,
Но я знаю, скромный мальчик эту тайну
сохранит.

В полдень, где найти прохладу? Только там,
где есть вода.
Покатать меня на лодке Ипполиту нет труда.
Что со мной случилось в полдень, знает
только Ипполит.
Но, конечно, эту тайну скромный мальчик
сохранит.



Все, что вокруг себя знаю, —
Только мистический круг.
Сам ли себя замыкаю
В темное зарево вьюг?

Или иного забавит
Ровная плоскость игры,
Где он улыбчиво ставит
Малые наши миры?

Знаю, что скоро открою
Близкие духу края.
Миродержавной игрою
Буду утешен и я.

Близ ключа в овраге
Девы-небылицы
Жили, нагло наги,
Тонки, бледнолицы.

Если здешний житель,
Сбившийся с дороги,
К ним входил в обитель,
Были девы строги.

Страхи обступали
Бедного бродягу,
И его гоняли
По всему оврагу.

Из чужого-ль края
Путник, издалеча,
Для того другая,
Ласковая встреча.

Вдруг на дне глубоком
Девы молодые;
С виноградным соком
Чаши золотые,

Светлые чертоги,
Мягкие ложницы,
В легкой пляске ноги
Голой чаровницы,

Звон и ликованье,
Радостное пенье,
Сладкое мечтанье,
Тихое забвенье.

Моя верховная Воля
Не знает внешней цели.
Зачем же Адонаи
Замыслил измену?
Адонаи
Взошел на престолы,
Адонаи
Требует себе поклоненья, —

И наша слабость,
Земная слабость
Алтари ему воздвигала.
Но всеблагий Люцифер с нами,
Пламенное дыхание свободы,
Пресвятой свет познанья,
Люцифер с нами,
И Адонаи,
Бог темный и мстящий,
Будет низвергнут
И развенчан
Ангелами, Люцифер, твоими,
Вельзевулом и Молохом.

Упрекай меня, в чем хочешь, —
Слез моих Ты не источишь,
И в последний, грозный час
Я пойду Тебе навстречу
И на смертный зов отвечу:
— Зло от Бога, не от нас!

Он смесил с водою землю,
И смиренно я приемлю,

Как целительный нектар,
Это Божье плюновенье,
Удивительное бренье,
Дар любви и дар презренья,
Малой твари горний дар.

Этой вязкой, теплой тины,
Этей липкой паутины
Я сумел презреть полон.
Прожил жизнь я, улыбаясь,
Созерцаньям предаваясь,
Все в мечты мои влюблен.

Мой земной состав изношен,
И куда-ж он будет брошен?
Где надежды? Где любовь?
Отвратительно и гнило
Будет все, что было мило,
Что страдало, что любило,
В чем живая билась кровь.

Что же, смейся надо мною!
Я слезы твоей не стою,
Хрупкий делатель мечты.
Только знаю, Царь небесный,
Что голгофской мукой крестной
Человек страдал, не Ты.

На тихом берегу мы долго застоялись.
Там странные цветы нам сладко улыбались,
Лия томительный и пряный аромат.

Фелонь жреца небес прохладно голубела.
Долина томная зарею пламенела,
Ровна и холодна в дыханье горьких мят.

Донесся к нам наверх рожка призыв далекий.
Бреньчали вдалеке кутасы мирных стад.
Какой забавный звон! В безмолвности широкой.
Янтарный звон зари смирил полдневный яд.

Грести устали мы, причалили,
И вышли на песок.
Тебя предчувствия печалили,
Я был к тебе жесток.

Не верил я в тоску прощания,
Телесных полный сил,
Твою печаль, твое молчание
Едва переносил.

Безумный полдень, страстно дышащий,
Пьянящий тишину,
И ветер, ветви чуть колышащий
И зыблющий волну.

Завесой шаткой, обольстительной
Весь мир обволокли,
И грех мне сладок был пленительной
Прохладою земли.

МАРГРЕТА и ЛЕБЕРЕХТ.

Шутливая песенка.

С милой, ясной
Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.

Звонко пели,
Как свирели.
Леберехт твердил Маргрете:
— Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот, что знай:
Ты с другими не гуляй!--

Ах, Маргрета
В это-ж лето,
Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На брегу веселых струй.

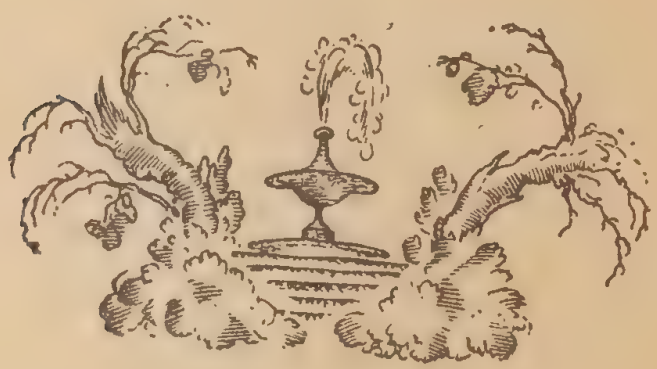
Но от Кнехта
Леберехта
Не укрылася Маргрета, —
Леберехт все видел это.
Только лишь слились уста,
Леберехт из-за куста.

Курт умчался,
Кнехт остался.
Слов не тратил на угрозы.
Кнехту смех, а Грете слезы.
Но уж с той поры она
Кнехту так была верна!

Скоро с кнехтом
Леберехтом
Под венец пошла Маргрета,
Точно барышня одета, —
И уехал Леберехт
Вместе с Гретою в Утрехт.

Новый человек во мне проснулся,
Свободный,
И радостно и чутко я на землю оглянулся,
Холодный.

Передо мной путей лежало разных
Так много,
Но чистая, средь многих злых и грязных,
Одна дорога.



В моих мечтах такое постоянство,
Какого в мире нет.
Весь мир — одно лишь внешнее убранство,
Одна мечта—и жизнь, и свет.

Мир не поймет мерцающего света,
Он только плоть, бездушная, как сон,
И в нем душа не обретет ответа,
Молчаньем вечным скован он.

Кумир упал, разрушен храм,
И не дымится фимиам
Над пыльной грудою развалин.
Я в дальний путь иду, печален,
И не молюсь чужим богам.

Но если слышу я моленья,
Душа полна благоговенья,
И не с насмешкой брошу взгляд
На чуждый, суетный обряд,
А с тихой грустью умиленья.

Алый мак на желтом стебле,
Папиросный огонек.
Синей змейкою колеблясь,
Поднимается дымок.

Холодея, серый пепел
Осыпается легко.
Мой приют мгновенно-тепел,
И ничто не глубоко.

Жизнь, свивайся легким дымом!
Ничего уже не жаль.
Даль в тумане еле зрима,—
Что надежды! Что печаль!

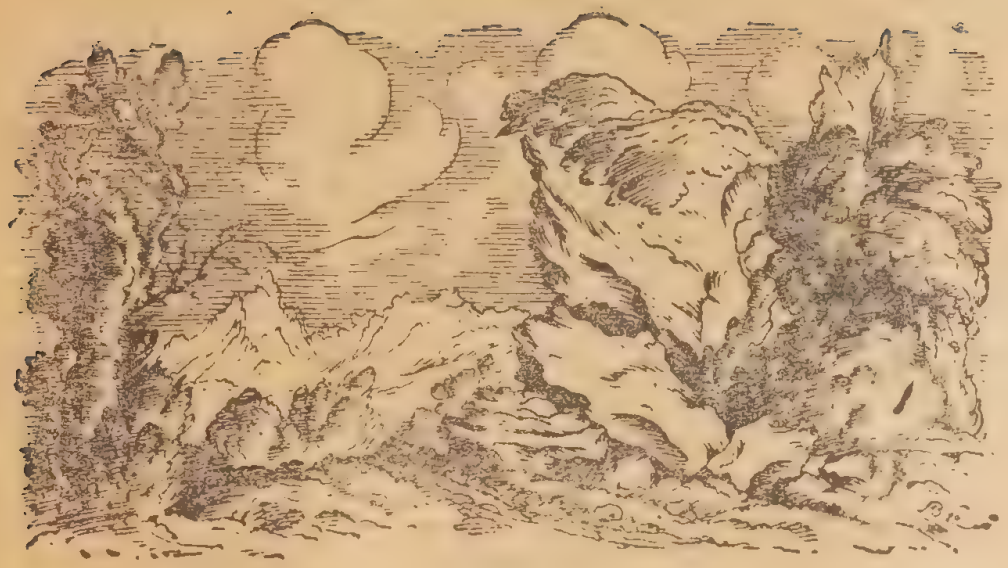
Все проходит, все отходит,
Развевается, как дым;
И в мечтаньях о свободе
Улыбаясь, отгорим.

— Над землею ты высок,
Ярок, жарок и жесток,
Солнце, брат, горящий наш,
Что возьмешь и что ты дашь?—

— Унесу и принесу
За подарок лучший дар.
В чашу всю сберу росу,
Дам тебе живой загар.

Был ты робок, слаб и бел,
Будешь темен, тверд и смел,
Кровь смешаешь с влагой рос,—
Жаждет распятый Христос. —

— Солнце, наш горящий брат,
Низведи Христа с креста!
У твоих лазурных врат
Наша чаша налита. —



Она безумная и злая,
Но хочет ласки и любви,
И сладострастие, пылая,
Течет, как яд, в ее крови.

На вид она совсем старуха,
Она согбенна и седа,
Но наущенья злого духа
Царят над нею навсегда.

Не презирай ее морщины,
Ее лобзаний не беги, —
Она посланница Судьбины.
Бессильны все ее враги.

Хотя сердца и ныне бьются верно,
Как у мужей былых времен,
Но на кострах, пылающих безмерно
Мы не сжигаем наших жен.

И мертвые мы мудро миром правим:
Благословив закон любви,
Мы из могилы Афродиту славим:
— Живи, любимая, живи!—

И, если здесь, оставленная нами
Кольца любви не сбережет,
И жадными, горящими устами
К ночному спутнику прильнет, —

Не захотим пылающего мщенья,
И, жертвенный отвергнув дым,
С улыбкою холодного презренья
Нам изменившую простим.

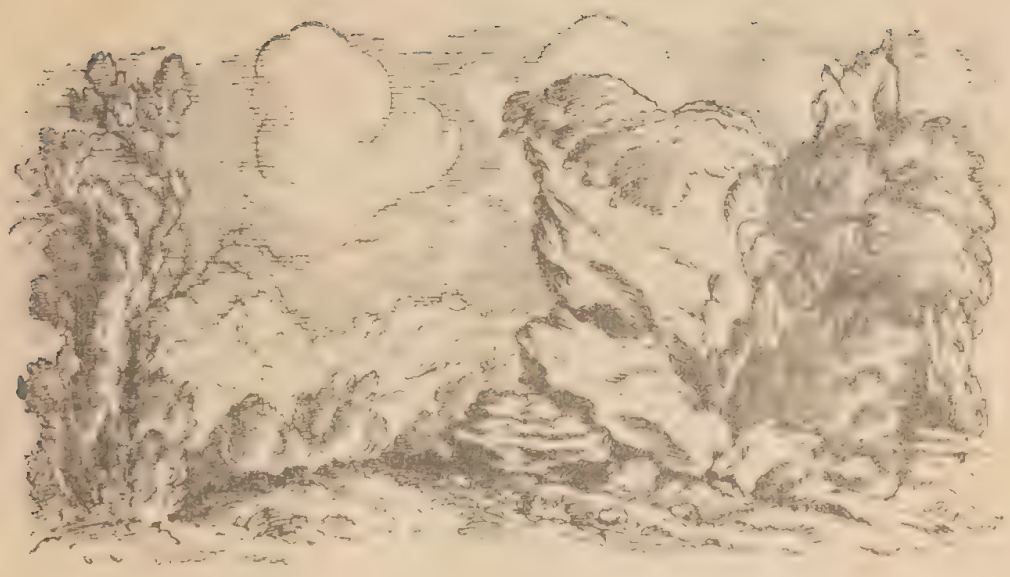
Забыв о счастьи, о весельи,
Отвергнув равнодушный свет,
Один в своей унылой келье
Ты, чарователь и поэт.

Ты только сети сердцу вяжешь,
Печально голову клоня,
И все молчишь, и мне не скажешь
О том, как любишь ты меня.

А я—надменная царица.
Не знаю я свободных встреч.
Душна мне эта багряница,
Ярмо моих прекрасных плеч.

Бессильна я в томленьях страсти.
Соседний трон угрюмо пуст,
И только призрак гордой власти
Порой коснется алых уст.

О, если-б снять венец двурогий,
И целовать, и обнимать!
Но все твердит мне кто-то строгий,
Что я—увенчанная мать.



Отражена в холодном зеркале.
Стою одна.
Вон там, за зеркалом, не дверка-ли
В углу видна?

Я знаю,—там, за белой кнопкою,
Пружина ждет.
Нажму-ль ее рукою робкою,
Открою-ль ход?

Светлы мои воспоминания,
Но мне острей ножа.
Отвергла я вчера признания
Румяного пажа.

Упасть бы мне в его об'ятия!
Но нет! О, нет! О, нет!
Милее мне одно пожатие
Твоей руки, поэт!

На небе лунный рдеет щит,—
То не Астольф-ли ночью рыщет,
Коня крылатого бодрит,
И дивных приключений ищет?

Вон тучка белая одна, —
Не у скалы-ли Анжелика
Лежит в цепях, обнажена,
Трепеща рыцарского лика?

И вот уж месяц рядом с ней, —
То не оковы-ль рассекает
Астольф у девы, и скорей,
Скорей с прекрасной улетает?

На разноцветных камнях мостовой
Трепещут сизые голубки;
На тротуаре из-под юбки,
Взметаемой походкой молодой,

Сверкают маленькие пряжки,
Свинцовой отливая синевой,
И, словно угрожая нам бедой,
Ломовиков копыта тяжки, —

Разрозненной, но все-таки слитой,
Черты одной и той же сказки.
Она стремление коляски
Обвеет легкой, хрупкой красотой.

Ты не весел и не болен,
Ты такой же, как и я,
Кем-то грубо обездолен
В дикой схватке бытия.

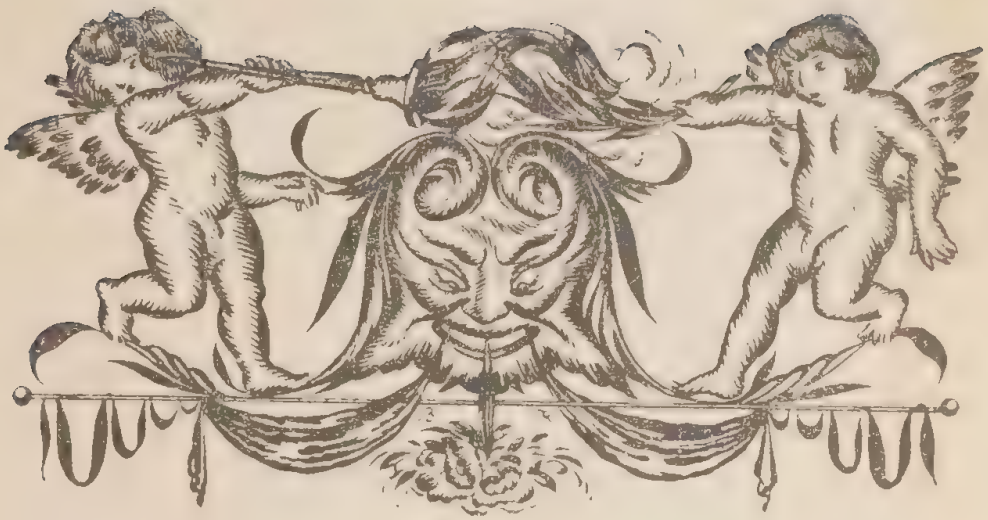
У тебя такие-ж руки,
Как у самых нежных дам,
Ими ты мешаешь муки
С легкой шуткой пополам.

У тебя такие-ж ноги,
Как у ангелов святых,—
Ты на жесткие дороги,
Не жалея, гонишь их.

У тебя глаза такие-ж,
Как у тех, кто ценит миг,—
Ты их мглой вечерней выешь
Над печатью старых книг.

Всем гетерам были-б сладки
В тихий час твои уста,
Но темней ночной загадки
Их немая красота.

Ты не весел, не печален,
Ты, похожий на меня,
Тою-ж тихою ужален
В разгорании огня.



Так величавы сосны эти,
В лесу такая тишина,
А мы шумливее, чем дети,
Как-будто выпили вина.

Мы веселимся и ликуем,
В веселии создавши рай,
И наших девушек волнуем
Прикосновеньем невзначай.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

На что мне пышные палаты 9
В ясном небе 11
Бывают дивные мгновенья 13
В пути томительном 15
Скифские сурсвые дали 17
Благодарю тебя 19
Лежу и дышу 21
Все земные дороги 23
Когда с малютками высот 25
При ясной луне 27
Не знаешь ты 30
Я испытал 31
Один свершаю 34
Радуйся, радуйся, Ева 35
Хнык, хнык, хнык 39
Как же богат я слезами 42
Замолкнули праздные речи 43
Печальный друг 45
Знаю знанием последним 47
Мой милый друг 49
Небо—моя высота 51
Клевета 53
Знаю правду 55
Зачем любить 57
Вы любите 58

Дай мне эфирное тело 59
Не думай 61
Как лук, натянутый 63
Под сению Креста 65
Муж мой стар 67
Все, что вокруг себя знаю 69
Близ ключа в овраге 71
Моя верховная воля 73
Упрекай меня 75
На тихом берегу 78
Грести устали мы 79
Маргрета и Леберехт 81
Новый человек 84
В моих мечтах 85
Кумир упал 86
Алый мак 87
Над землею ты высок 89
Она безумная 91
Хотя сердца и ныне 93
Забыв о счастьи 95
Отражена в холодном зеркале 97
На небе лунный рдеет щит 99
На разноцветных камнях 101
Ты не весел 103
Так величавы 105

Р. В. Ц.

Тип. „Гершунина". Птг., Коломенская, 43.

30²
799378/18n

SPECIAL 88-B
32102

GETTY CENTER LIBRARY

II. 3[illegible]0 P.